

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

С. В. Алпатов
ФОЛЬКЛОР КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ
(к проблеме школьного курса)

Преподавание фольклора в средней школе ограничено, как правило, изучением трех-четырех жанров, разбором отдельных ярких текстов, проведением параллелей между элементами структуры фольклорного текста и их аналогами в произведениях древнерусской литературы. Подобная избирательность предполагает постепенное и разностороннее погружение ученика в мир средневековой словесности, закладывает основы дальнейшего самостоятельного освоения материала. Вместе с тем приобретенные на нескольких этапах разрозненные сведения о фольклоре и древнерусской литературе так и не получают сколько-нибудь законченной формы.

В то время как в старших классах изучаются *поэтические миры* целых культурных эпох (например, «Серебряный век»), обсуждаются сложнейшие вопросы эволюции литературных направлений (символизм, футуризм, акмеизм и т. д.), знания по древнерусской литературе, фольклору и культуре не находят адекватного обобщения. Вопрос итогового синтеза — это не только вопрос внешней организации курса средневековой словесности (количество часов, объем и состав программы), но и проблема внутренней структуры предмета: какие задачи решают учитель и ученики — узко литературоведческие или более широкие культурологические и этнологические. Данная статья является попыткой целостного взгляда, своего рода схемой и материалом для обобщающих уроков по русскому фольклору в старших классах и вместе с тем системой ориентиров для работы в младших классах, где изучение отдельных жанров и произведений средневековой словесности имело бы перспективой обобщаемый синтез.

Начиная разговор о фольклоре как составной части средневековой культуры, следует подчеркнуть, что фольклорная традиция не является простой суммой словесных, драматических и изобразительных форм народного творчества. Это целостная система народных знаний, особый *национальный взгляд на мир*.

Самые архаичные и глубинные слои фольклорного мировосприятия сложились в ходе взаимодействия людей с окружающей природной средой. Формы и правила поведения человека в природном мире описывают три тесно связанных фольклорных жанра: обряд, заговор, быличка.

Обряд — это правила поведения человека в той или иной ситуации. *Наряжается* значит приводит себя в должный, подобающий случаю вид. *Обряжают*, то есть обмывают, одевают в специально сшитую одежду, покойника. *Ряженые* на святки — люди, одетые таким особым образом, чтобы быть похожими на потусторонние силы. О женихе говорят *суженый-ряженный*, то есть предназначенный судьбой, по порядку вещей. Обряд включает в себя набор определенных поступков, а

также предметы, с которыми производятся ритуальные действия. Обряд происходит в определенное время и определенном месте.

Как результат обрядового освоения человеком окружающего мира, все пространство обжито, одушевлено, мифологизировано. Дом и баня, двор и улица, село и лес, поляна и болото распределены между человеком и потусторонними существами (банниками, овинниками, лешими, водяными). В самом доме человеческому *красному углу* противостоит запечье, подпол и сени, где хозяйничает домовый. Распределение пространства на человеческое и нечеловеческое, свое и чужое, внутреннее и внешнее охватывает и предметный мир. Так во псковских загадках противопоставляются топор и икона:

«Лицом к стене, а спиной к избе» (топор).¹

«Спиной к стене, а лицом к избе» (икона).²

Топор ассоциируется с лесом, работой, с языческой магией железа. Икона связывается в сознании с домом, праздником, молитвой. Очевидно, **загадка** объединяет и противопоставляет вещи не произвольно, а по наиболее существенным их свойствам и признакам. Тем самым она выполняет важную функцию в фольклорной культуре: связать все явления мира в единую сеть понятий, способных сталкиваться друг через друга.

Подобно пространству мифологизировано в народном сознании время, что отражается во множестве **календарных обрядов** и поверий. В полдень по народным представлениям нельзя находиться в поле, нужен перерыв в работе, иначе накажет *полудница*. В полночь и того опасней выходить из дому: *света белого не видно*, и ночные духи обступают человеческое жилище.

Подобно суткам устроен в сознании крестьянина и календарный год. В нем также две осевых точки: зимний и летний *солнцевороты*. 22 декабря — момент поворота солнца с зимы на лето. Это самый короткий день, как бы полночь года. 22 июня — самый долгий день, вершина года, его полдень. Эти и другие значимые моменты годового цикла отмечают народные праздники. Первый из них — **Святки**. Святое время с Рождества до Крещения называют в народе также *страшными* вечерами. Говорят, что в эти недели проникают в наш мир потусторонние гости: умершие предки и различные нечистые духи. Народный способ защиты от опасных незнакомцев — стать похожим на них, вырядиться в их цвета и одежды. Поэтому-то на святках крестьянине ходят **ряженные** в чужие для себя личины: смерти, диких зверей, пришлых людей.

Святки — время *праздничное*, а значит *праздное*, *порожнее*: прошлый год исчерпан до дна, о новом же еще ничего не известно. Оттого так много внимания уделяют **гаданиям** на здоровье, благополучие, скорое замужество и т. д.. На Святки стремятся не только побольше узнать о будущем, но и магически обеспечить урожай, достаток в доме. Пожелания счастья и благополучия приносят в дом **колядовщики** — подростки, которые ходят с рождественской звездой по дворам и славят хозяев, у которых дом стоит «на семидесяти столбах», огорожен «железным тыном»; сам хозяин — «солнце красное», хозяйка — «месяц ясный», «часты звездочки» — их дети.

Любопытна историческая эволюция образов колядок. В частности, описание железного тына, магически оберегающего дом,³ сменяется изображением дома-храма с неизменными церковными атрибутами:

Господинов двор да высоко на горе,

На семидесят верстах да на восьмидесят столбах,

Да на каждом ли столбе по маковке,

¹ Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М., 1995. № 1. С. 12.

² Там же. № 222. С. 42.

³ Образ прочной магической ограды жилища встречается не только в колядках («серебряный тын» — Шейн П. В. Велликорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898. № 1030), но и в былинах («булатный тын» — Гильфердинг А. Н. Онежские былины. Т. 1. Л., 1949. № 243), а главным образом — в заговорах.

Да на каждой на маковке по замчужке,
Да на каждой на замчужке по ленточке,
Да на каждой ленточке по кисточке,
Да на каждой на кисточке по свечке горит.⁴

Святки венчает праздник **Крещения**. В этот день прекращаются все гадания, гульба. Человек освобождается от власти темного времени. В каждом селе делают Иордань — прорубь на реке в виде креста; освящают воду, омываются ею.

На переломе зимы и весны стоит **Масленица**. Зиму провожают обильной едой, катаньями на лошадях, кулачными боями, сжиганием в поле чучела из прошлогодней соломы (надо вернуть земле малую часть собранного, и она воздаст сторицей в новый урожай). Масленица — семейный праздник. В это время особо величают молодых, создавших семью прошлой осенью. Молодые, в свою очередь, обязательно едут к *теще на блины*. Последний день масленицы, **Прощеное воскресенье**, отмечается за семь недель до Пасхи. Вечером этого дня все православные христиане просят друг у друга прощения в совершенных грехах и нанесенных другому обидах.

Если проводы зимы — дело всех и каждого, то **встреча весны** — детская доля в обрядовой жизни крестьянской общины. Подрастающие дети ассоциируются в народном сознании с растущими силами самой природы. На Благовещение пекут из теста «жаворонков». Дети несут печенье куда-нибудь повыше: на крышу сарая, на скирду сена; подбрасывают жаворонков в небо и закликают весну. Весенний расцвет природы находит свое воплощение в праздниках **Вербного воскресенья**, **Пасхи**, **Вознесенья**. Обязательно присутствует на праздниках пасхального круга крашенные яйца. Для народного сознания яйцо — это вселенная в миниатюре, а его красный цвет — знак полнокровной жизни. На Вознесение в деревнях делают печенье в виде «лесенок», которые дети несут в поле, чтобы выше к небу тянулись рожь и лен.

На праздник **Троицы** свежей зеленью берез украшают храмы и крестьянские дома. Вершины берез сплетают с колосьями ржи, передавая обратно урожаю, вышедшую из земли растительную силу. Под сплетенными березами водят девичьи хороводы. По поверьям, ночами на тех же березах качаются русалки. Троицкая (русальная) неделя оказывается и временем природного плодородия и временем расцвета женской красоты и силы:

Там, где девушки шли, там и рожь густа,
Там, где вдовы шли, там трава высока,
Где молодушки шли, там цветы цветут.⁵

Иван **Купала** знаменует собой середину лета. В это время снова гадает, гуляет и озорничает молодежь. Ищут клады и цветущий папоротник, что дает колдовские знания. В те же ночи ведьмы собираются на свой шабаш. От буйного времени купальских праздников люди очищают себя водой и огнем: обливаются у родников, прыгают через костры.

Летние праздники не идут в ущерб работе. Время сенокоса и жатвы оставляет на гулянья только ночи. По мере окончания летних работ все более заметно, как время бежит под горку: «Петр и Павел час убавил, Илья-пророк и два уволок». Перед крестьянином стоит задача уже не умножить урожай (как это было в весенних обрядах), а сохранить собранное. Первый и последний снопы торжественно несут в дом и ставят в красный угол, символически давая возможность обмолотить зерно от первого до последнего колоска без каких-либо потерь. В поле же, на крайней полосе, оставляют свитый в кольцо пучок колосьев, чтобы не выбрать из земли всю ее силу, сберечь плодородие до буду-

⁴ Песни Печоры. М.; Л., 1963. № 126. С. 159.

⁵ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1. № 191.

щего урожая. Названия медовых, яблочных, ореховых **Спасов** ассоциируются в народе не только со спасением души, но и с сохранением приобретенных земных благ.

Осень — пора окончания сельскохозяйственных работ, изобилия земных плодов и потому самая подходящая пора для общинных праздников: *ярмарок, свадеб и братчин*, когда вскладчину готовили *пир на весь мир*. С **Покрова** первый снег покрывает землю и дома, замирает природная, а с ней и крестьянская жизнь до будущего года, до нового весеннего пробуждения.

Наряду с природными условиями повседневную жизнь крестьянина определяют социальные факторы. Роль и место *ребенка, юноши, взрослого, пожилого* человека в общине меняется с годами. Каждый из этапов социального роста отмечается в народной среде особыми **семейными обрядами**.

Обряд **рождения и крещения** младенца обозначает переход его из иного мира в мир человеческий. Новорожденный, по народным верованиям, принадлежит области хаоса и поэтому небезопасен человеческому миру (до крещения его никому не показывают, кроме самых близких родственников). С другой стороны, и наш мир еще чужд ребенку, чья-то зависть или слишком сильная радость могут повредить ему: говорят, что некрещеного младенца очень легко сглазить. Крещение вводит младенца в мир культуры: он был безымянный, а теперь получает человеческое имя. У него были только родители по плоти, теперь же появляются духовные родители — крестные отец и мать, отвечающие за его дальнейшие шаги на жизненном поприще. Крестные вводят *ребенка* в храм, определяют *подростка* к учебе или ремеслу, сватают *юноше* невесту, ручаются за своего крестника перед общиной в его первых самостоятельных (*взрослых*) делах.

Обряды **взросления** отмечают постепенное вхождение детей в общую жизнь крестьянского коллектива. По мере роста ребенок все более отдаляется от изначального состояния, когда он, подобно животным, только ест и спит. Человека от зверя отличает прямохождение и связная речь. Чтобы помочь младенцу встать на ноги, ему «пути развязывают»: как только он делает первые шаги, проводят перед его ногами острым предметом, символически разрезая невидимые веревки. Согласно поверьям, разрезание пут на ногах *развязывает* и *язык* ребенка, ведь ходить и говорить он начинает одновременно.

По народным верованиям, не только ходьба и речь, но также ум и волосы состоят в самой тесной связи. До первой стрижки и прически, и мысли младенца находятся в первозданном, неоформленном состоянии. Стрижка волос приводит его разум в порядок. При этом мальчика подстригают, а девочке заплетают косу, подчеркивая, что они теперь растут телом и разумом по-разному — как мужчина и женщина. Соответственно шьют им первую «взрослую» одежду: мальчику — штаны и рубаху, девочке — платье. Детей постепенно приучают к мужской и женской доле в хозяйстве: мальчика сажают на коня, берут с собой в поле, дают столярный инструмент в руки; девочке вырезают первую прялку, приставляют к работе на кухне, к стирке, к уходу за младшими. Наконец, детей привлекают к обрядовой жизни общины: они колядуют на святки, закликают весну. Весь **детский фольклор**, включая песни и игры, постепенно вводит ребенка в мир взрослых, обучая его не только хозяйственным навыкам, но и правилам человеческих взаимоотношений.

Настоящая самостоятельная жизнь начинается у молодежи с заключения брака. Для юноши новая жизнь начинается со строительства собственного дома, обзаведения скотом, хозяйством. Для девушки замужество — это уход в новую семью (нередко в дальнюю деревню), забывание девичьих привычек и погружение в повседневные бытовые хлопоты, в радости и заботы материнства. Семейное положение придает и новый вес человеку во мнении всей деревенской общины. Поэтому **свадьба** мыслится в народной среде переломным моментом в судьбе человека.

Народная свадьба проходит в несколько этапов. Первый из них собственно **сватовство**. Сваты вместе с крестными жениха поздно вечером приезжают в дом к родителям невесты, представляются или заблудившимися охотниками, или заезжими купцами. Речь о деле ведут иносказаниями: «Мы купцы нездешние, заморские, ищем красного товару. Слышали, что у вас есть на про-

дажу. А коли у вас товар хорош, то у нас и купец подходящий есть». Такие предосторожности в речи и поведении принимаются по следующим причинам: во-первых, чтобы возможную свадьбу не сглазили лихие люди; во-вторых, потому что родители невесты могут и отказать, а это худая слава на всю округу. Но если намерения сыграть свадьбу у обеих сторон совпадают, то договариваются о **смотринах**.

Сперва едут посмотреть невесту. Кроме сватов, приезжают теперь и родители жениха. Их сажают за стол, угощают. Будущая невеста ухаживает за гостями, а в конце вечера дарит их своим рукоделием: вышитыми полотенцами, рубахой для жениха. Родители жениха смотрят, скромна ли девушка, послушна ли, умеет ли на стол подать да гостей потчевать. Если понравилась невеста, подарки принимают и уговариваются, когда родители невесты поедут в дом жениха посмотреть будущее хозяйство молодых.

Если смотрины прошли благополучно, назначают **сговор**. Договариваются о сроках свадьбы, размерах приданого, составе гостей. Сговор нередко называют еще *рукобительем*. Название это идет от древнего обычая ударять по рукам при заключении серьезного договора. После рукобителья обратной дороги нет, свадьбу отменить нельзя.

После бани невеста идет на **девишник**. В доме уже собрались ближайšie подруги. Они готовят к завтрашнему дню приданое и расплетают невесте косу. Смена невестой прически служит символом расставания с прежней жизнью: девушка носит одну косу, заплетенную лентой; замужняя женщина носит две косы и покрывает голову платком. Весь процесс подготовки к свадьбе сопровождают **причитания**. Невесте важно было не только оплакать свое предстоящее расставание с родными, но и разделить свои чувства со всеми окружающими, со всем *миром* (так по-русски именуется не только вселенная, но и крестьянская *община*).

Утром в самый день свадьбы жених в своем доме **благословляется** у родителей и собирает свадебный поезд — «княжескую дружину» во главе с тысяцким:

Васильюшка по двору ходит и, ходя, горюет:

— Кто же за мною в дружках поедет?!

Да Егорий-бог молвит:

— Не горюй, Васильюшка,

Я за тобой в дружках поеду!

Васильюшка по двору ходит и, ходя, горюет:

— Кто же за мною в свахах поедет?!

Пречистая Матерь молвит:

— Не горюй, Васильюшка,

Я за тобой в свахах поеду!⁶

В доме невесты уже ждут гостей. Невесту сажают в самую дальнюю горницу. Возле нее стража, да и на пути к ней множество препятствий. Если жених и вправду «князь молодой» со своей храброй дружиной, как о нем поется в песнях, то должен он все преграды разрушить и невесту из родительского плена выкупить-выручить. Решив все загадки, вручив все положенные по обряду дары, дружка увозит жениха с невестой в церковь к венцу. От венца едут в дом к жениху на **княжий пир**. Здесь уже нет места причитаниям, слезам и тоске по прежней жизни. На пиру царствует веселье, поют *величальные* песни молодым, их родителям, гостям и сватам.

Ритуальные действия в составе любого обряда сопровождается словесный текст. Это может быть песня, плач, диалог или заговор. **Заговор** как особая форма народной культуры рождается из представлений о силе *правильно* сказанного слова. Человек, знающий точную формулу заклинания (потому он и зовется *знахарь, ведьма*), способен призвать потусторонние силы и заставить их работать на себя.

⁶ Деревня Веретьякина Орловской губернии // Живая старина. 1905. № 1. С. 112—113.

Для средневековой русской культуры характерно противопоставление заговора и молитвы. При кажущемся внешнем сходстве в построении текста, наборе персонажей, обрамлении христианскими зачинами («Во имя Отца и Сына и Святаго Духа») и концовками («Аминь»), различия очевидны. Заговор ориентирован на безусловное достижение результата, это явное или завуалированное требование, приказ человека, уверенного в том, что он обладает точным словесным механизмом, управляющим событиями: «Стану благословясь, пойду перекрестясь, умоюсь, утрюсь, самому Господу Иисусу Христу помолюсь. Стоит каменная гора и железный тын от земли и до небесей. На том тыну на каждом уголку сидит по ангельку. Во святом углу сам Иисус Христос с кадилом, кадит в небе и всю мою семью, всего скота и живота, и меня, раба Божьего. Будьте мои слова доходчивы во веки. Аминь»⁷.

Молитва — это всегда просьба. В ней заключено ожидание не любых земных благ, но полезных для спасения души. Божий суд ставится выше своей воли: «Христом окрещаясь, верой покрываюсь, ангелом сохраняюсь. Ангел мой хранитель, сохрани и помилуй. Сядь на право плечико, сохрани меня с утра до вечера от волка, от зверя, от злых людей, от всех напастей. Сохрани, помилуй. Аминь»⁸.

Рассказы о случайных встречах или сознательном колдовском общении с домовыми, банниками, лешими, водяными, русалками, полудницами и т. д. называются **быличками**. Рассказчик и его слушатели уверены, что подобные истории чистая правда, *быль*. Смысл и назначение таких историй — научить слушателя на конкретном примере, как надо или не надо себя вести в той или иной ситуации. Былички служат живой иллюстрацией к обрядовым правилам поведения человека, ко всей системе **народной мифологии**: «Понесли хлеб в лес. А солнце уж село. Дяинька и рыцйт:»Филип, иди ужинать!» А тут река, да ельник угрюмый. Из этого ельника выходит мужик высокий, глаза светлые, собачка на веревке. Пала дяинька наземь. А он над ней галит, да хохочет, да в долоши клещет. Пришел Филип, а она чуть жива. Привел ее в избушку, и давай ругать, что после солнца рыцйт»⁹.

Представления об опасности ночного, нечистого время — универсалия всех архаических культур: после захода солнца не работают, не шумят, не начинают новой ковриги хлеба, путники просят на ночлег, а хозяева неохотно отпирают двери ночному гостю, опасаясь впустить в дом чужой мир. В русской средневековой культуре этот языческий прагматизм вступает в противоречие с Христовой заповедью о милости, которая выше закона и обычая: «Кто из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги пришел ко мне и нечего предложит ему. А тот изнутри ответит: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мной на постели, не могу встать и дать тебе» (Лк., 11; 5—7). В свете Евангелия понятны слова древнерусского проповедника, обличающего грех немилосердия: «Есть же некие христиане, еретические дела творящие: по заходу солнца не дают ничего из дому своего, ни огня, ни сосуда какой, ни что иное необходимое»¹⁰.

Традиционные сюжеты быличек о встречах с лешими, домовыми, водяными получают нравственную оценку, приобретая тем самым жанровую форму **легенд** об искушении бесами. Яркий тому пример — образы *хоромных бесов* из «Жития Феодосия Печерского», рассыпающих муку в пекарне, мучающих скотину в хлеву. Образ летающего змея в «Повести о Петре и Февронии» возникает непосредственно из народных быличек о демонах-искусителях. Бывальщины — рассказы об экстраординарных жизненных случаях и ситуациях (пожар, гроза, болезнь, нищета) — получают новую ок-

⁷ Русские заговоры и заклинания. М., 1998. № 2327. С. 368.

⁸ Там же. № 2313. С. 363.

⁹ Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1998. № 198д. С. 134.

¹⁰ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Дрени Руси. М., 2000. Т. 2. С. 101.

раску в контексте легенд о наказании за грех, о помощи и покровительстве святых в повседневной жизни. Возникающий в рамках средневековой культуры жанр легенды как бы надстраивается над традиционными формами фольклорной прозы, дополняя изложение того или иного случая из жизни его моральной оценкой.

В отличие от несказочной прозы, **волшебные сказки** изображают не отдельные характеры и не частную жизненную ситуацию. Через сюжеты и образы волшебной сказки раскрывается вся вселенная во всем богатстве взаимосвязей. Несмотря на видимую пестроту и сложность, волшебные сказки имеют общие законы построения сюжета. Сюжет сказки начинается с какой-либо беды, например: отец состарился и смертельно заболел, кто-то вытоптал ночью посевы, змей унес жену, младший брат нарушил запрет и попал к ведьме. Узнав о случившемся, герой отправляется на поиски *средства* для устранения недостачи: за молодильными яблоками, за жар-птицей, за живой и мертвой водой. В пути он преодолевает множество *препятствий*, приобретает друзей и побеждает врагов, добивается своей цели и счастливо возвращается *домой*.

Развертывание сказочного сюжета сопровождаются особые *словесные формулы*.

В экспозиции сказки мир изображается в состоянии покоя и равновесия: «*Жили-были старик со старухой и было у них три сына*». Завязка действия рисуется всегда внезапной: «*Только вышла царевна в сад, налетел вихрь и унес ее*», «*Играл Иванушка на крыльце, невесть откуда налетели гуси-лебеди, подхватили и унесли его*», «*Наклонился царь воды из ручья испить, вдруг кто-то хватя его за бороду: "Отдай чего дома не знаешь"*».

Для устранения беды и восполнения недостачи ищут самого подходящего героя. Да только *старый хоронится за среднего, средний за малого, а малому и ответа нет*. Избыть беду вызывается обычно самый неприглядный персонаж — младший брат, Иванушка-дурачок. Именно он оказывается настоящим героем. Он умеет поговорить со встречным (каждая *встреча* — это новости от туда, куда ты направляешься). Он способен увидеть в бабушке-задворенке мудрого советчика. Он готов помочь чужой беде, поступившись собственными интересами. Позже с помощью благодарных животных, дарителей и волшебных помощников герой сможет проникнуть в иной мир: взобраться на небо, спуститься под землю и на дно морское; а ложные герои (старшие братья) так и не найдут дороги туда. Настоящим героем оказывается тот, кто знает правила общения с окружающим миром — *обряды*, за которыми стоит *порядок* мироустройства.

Беда в мир людей приходит извне, из потустороннего мира. Прямой дороги туда не знает никто. Поэтому самый верный путь на тот свет — *идти куда клубок катится* или еще лучше *куда глаза глядят*. Долгая это дорога: *надо 3 пары железных сапог истоптать, 3 посоха железных сносить, 3 хлеба железных сглотать*, прежде чем попадешь на границу нашего и того мира.

Обратим внимание на регулярное использование сказкой числа «три». Сюжетное действие строится как правило на троекратных повторах (три задачи, три боя, три попытки). В начале повествования особняком выделяются три главных героя. Описание времени дается по «три года», «три дня», «три часа».

Объяснение этой закономерности следует искать в особенностях первобытного мышления и архаичной системы счета. Первоначально в любом языке существовало единственное, двойственное и множественное число. Представление древнего человека об *одном* отдельном предмете дополнялось понятием о *парных* явлениях (две руки, две ноги, два глаза и т. д.). Вместе же понятие о единичном и двойном противостояло идее *множества* вещей или явлений. Таким образом, изначально человек считал «один, два, много». Следовательно, число «три» значило «много», все, что «больше двух». Этот этап в развитии системы счета отразила волшебная сказка. Три поединка со змеем означают, что бой не кончался до тех пор, пока герой не победил противника. Крошечка Хаврошечка усыпляет своих сестер Одноглазку и Двуглазку, но не может заговорить

Трехглазку — сбивается со счета. Герой едет три года, значит — *столь долго*, сколько нужно, чтобы добраться до цели.

Первая цель героя — граница мира живых и мира мертвых, которую сторожит лесная старуха из избушки на курьих ножках. У Бабы-Яги много свойств мертвеца: у нее костяная нога, она никогда не ходит, а только летает. Да и избушка мала для нее: *Ноги на лавках, голова на грядках, нос в потолок врос*. Тесна избушка потому, что она не просто дом, а гроб (гроб в народе называют *домовина*, то есть дом для покойника).

Самое главное то, что для Бабы-Яги мертвые — «свои», а живые — «чужие». Мертвых она видит, слышит и воспринимает как родных. А увидеть живого человека Баба-Яга не может, зато остро чувствует живой человеческий запах: *Фу-фу-фу, русским духом пахнет*. Герою, живому человеку, надо проникнуть в мир мертвых незнанным, потому он принимает вид обыкновенного покойника, идущего на тот свет и требующего положенного: *Накорми-напой, спать уложи, а потом и распрашивай*. Поесть и уснуть в мире мертвых значит окончательно приобщиться к смерти, остаться там навсегда. Настоящий герой должен вернуться домой, поэтому он: *Не столько ест, сколько под стол бросает... Спать не спит, а вокруг глядит*.

Будучи частью потустороннего мира, хозяйкой лесных зверей, Баба-Яга знает, как добыть необходимое герою: где лежит заветный меч, как вырастить богатырского коня. Но за это нужно сослужить службу: три года *овец пасти* (овцы того света — это волки), *коней стеречь* (загробные кони — это медведи). И снова волшебные помощники помогают герою. Наконец, служба исполнена. Есть у героя богатырский конь, есть воинское и иное необходимое снаряжение, путь к центру того мира открыт, но... *скоро сказка сказывается да не скоро дело делается*.

Нелегко проникнуть герою в *тридцатое царство*, зато возвращаться, добыв нужный предмет, по знакомой дорожке легко. А вот противнику героя, пустившемуся в погоню, невозможно преодолеть огненной реки: нет у него вышитого полотенца, из которого вырастает волшебный мост между двумя мирами. А дома ждет героя награда — свадьба с самой мудрой и красивой девушкой на свете, да в придачу полцарства. Сказочнику же свое вознаграждение: *И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало*.

Сказка изображает идеальный мир, в котором возникают предельные конфликты: голод, болезнь, беспросветная нужда, смертельная опасность. В финале любой конфликт ждет идеальное разрешение: победа главного героя, устранение беды-недостачи, брак и воцарение. Таким образом, сказка рассказывает о бедах, радостях и практических нуждах каждого человека: быть сытым и одетым, иметь крышу над головой, создать семью, обеспечить достаток, здоровье и счастье в родном доме.

Сказка воплощает общие всем людям потребности и идеалы, но это не значит, что все сказочники рассказывают один единственный сюжет. Герой волшебного повествования — человек, но человек определенного возраста и социального положения.

Взрослый человек будет героем змееборческого сюжета (сказка «Иван-крестьянский сын и Чудо-юдо»). У взрослого есть свой дом, семья, своя земля. У родной земли есть враги, например: трехглавый, шестиглавый и двенадцатиглавый змей. С ними будет биться на Калиновом мосту *богатырь*, отстаивая пределы своего, человеческого мира от вторжения враждебных сил.

Другой герой — *молодой* человек. У него ни дома, ни семьи, ни обязанностей, поэтому в глазах всей общины он человек негодящий, пустой, *дурачок*. Но оказывается, что он умеет лучше других справиться с неожиданными обстоятельствами, требующими не бытовой смекалки и опыта, а обширных знаний и умений. Только он способен усмирить Сивку-Бурку, он сумеет понять, о чем говорит щука, он рассмешит царевну Несмеяну. А проявив свои качества, он обретет и вес в общественном мнении, и семью, и социальное положение (царский зять).

Другой *юноша* не столь уверен в своих силах и в своей судьбе, чтобы лежать на печи и ждать, пока счастье само на полати привалит. Это герой-искатель. Это ему брести, куда глаза глядят. Ему искать молодильные яблоки для больного отца, невиданных диковинок для царя, а себе доли и невесты. Сказка знает и девушек, ищущих своего суженого-ряженого (сюжет «Финист-ясный сокол»).

Герой сказки, нашедший свое счастье, уже не покинет родной стороны. Таковы старшие братья, у которых и дом, и семья — полная чаша. Герой же, не познавший своей участи, отправится за тридевять земель. Но есть и третий тип сказочных персонажей, которым и подумать страшно о том, чтобы уйти далеко от дома. Это герои-дети. В сказке ребенок, оказавшийся вне дома, подвергается постоянной опасности, поскольку еще совсем ничего не знает о законах окружающего мира. *Малых* и неразумных *детей* уносят гуси-лебеди, похищают лисы, выманивают ведьмы, перековавшие свой грубый голос под маменькин голосок. Да и сами они норовят попить из лошадиного, овечьего или козлиного копытца. Дети постарше, *подростки*, уже кое-что понимают в происходящем. Обычаи и правила повседневного поведения им уже отчасти знакомы. Они могут расспросить встречных людей, животных, стоящие при дороге деревья. Старшая сестра догадается прикормить дикого зверя, смазать скрипящие ворота, подвязать ленточкой обломившуюся ветку березы.

Маленький ребенок в лесной избушке рискует быть съеденным и лишь чудом избегает натоленной печки. Падчерица же в логове ведьмы не только сумеет избежать скорой расправы, но и добудет волшебный огонь из глазниц черепов, что висят на изгороди страшного дома. Но и ей не придет в голову проникнуть дальше, в глубь леса. Только юноша-искатель не остановится на границе двух миров. Он знает заговор, способный повернуть избушку на курьих ножках: «Избушка-избушка, остойся к лесу пятами, ко мне воротами. Мне в тебе не век вековать, одну ночь ночевать». Он знает, как себѣ вести с Бабой-Ягой. Он получит необходимое и пойдет к самому сердцу загробного мира.

Сказка описывает единые законы идеальной вселенной. Сказки показывают, как работают эти нормы в жизни героев, как восстанавливается исконный порядок после нарушения повседневного хода событий. Этот универсализм сказки — основа для взаимодействия бытовой народной этики с этикой христианской, за «ложью» сказочных сюжетов возникают намеки на духовные ориентиры личности¹¹.

Схожее со сказочным назначение есть и у жанра пословиц. Пословицы излагают законы окружающего мира в виде прямых утверждений или запретов: «Худой мир лучше доброй ссоры», «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться». Поговорка ярко *называет*, рисует какое-то явление, например: «Гол, как сокол», «Как сыр в масле катается», «Надулся, как мышь на крупу», «Мягко стелет, да жестко спат», «Нашла коса на камень». Пословица же высказывает в связи с жизненной ситуацией некое *суждение*, мораль: «Любишь кататься — люби и саночки возить», «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», «Нет дыма без огня».

Пословицы и поговорки способны так емко обозначать явления окружающего мира потому, что они применимы не к одному случаю, а ко всем подобным событиям. Пословицы хранят народные представления о вреде и пользе, уме и глупости, о душевной красоте и уродливости в виде кратких изречений. Но есть и другой способ охарактеризовать личность, предмет или ситуацию — рассказать похожий случай, сослаться на известный всем сюжет-притчу. Аналогом литературной притчи в средневековом фольклоре выступает **сказка о животных**. Приписывание зверям, птицам, растениям человеческих свойств — традиционный для средневековой культуры способ познания внутреннего мира человека.

¹¹ Ильин И. А. Духовный смысл сказки. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской сказке // Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М., 2000. С. 187—317.

С развитием художественного сознания *аллегорический* тип изображения личности оказывается недостаточным. Возникает потребность в реалистической передаче облика человека и его взаимоотношений с миром. Героями **бытовых сказок** становятся упрямый муж и сварливая жена, жадный хозяин и ловкий работник, глуповатая старуха и солдат, способный сварить кашу из топора. Сближаясь с реальностью, сказка, тем не менее, не теряет своего главного свойства, отличающего ее от повседневных рассказов про жизнь. Любая сказка, подобно пословицам, изображает не какого-то конкретного человека, излагает не единичный случай. В сказке изображаются *типичные*, характерные для всех людей ситуации.

Формирование этнического самосознания выделяет в массиве народной прозы особые сюжетные образования, связанные с родовыми корнями и истоками государственности. Первый слой народных исторических **преданий** повествует об основании сел, деревень, городов первопоселенцами. Нередко место для первого дома выбирали с помощью иконы: ставили образ на телегу и закладывали дом там, где лошадь остановится. Так же могли искать место для церкви: по реке пускали бревно с иконой и там, где оно приставало к берегу, ставили храм. Древнейшая русская летопись, «Повесть временных лет», сохранила разные варианты предания о возникновении топонима Киев (по имени Кия-князя или по имени Кия-перевозчика через Днепр).

Предания хранят память не только о первопоселенцах, но и об аборигенах края, живших здесь до прихода колонизаторов. Ряд севернорусских исторических рассказов повествует о первых встречах с финно-угорскими племенами. Их облик, язык и образ жизни были непривычными, *чуждыми* для русского сознания, потому и сохранились они в преданиях под именем *чуди белоглазой*. Следующим слоем исторической памяти были рассказы о столкновениях с внешними врагами, о защите родной земли. Южнорусские предания хранят воспоминания о татаро-монгольском нашествии, севернорусские — о польско-литовской интервенции Смутного века.

В «Повести временных лет» мы находим практически не тронутые авторской правкой народные предания о Никите Кожемяке, белгородском киселе, мести княгини Ольги, смерти вещего Олега, о князе-оборотне Всеславе Полоцком. Позднесредневековые предания рассказывают о выдающихся исторических лицах: народных героях (Разин), государственных деятелях (Марфа Посадница), о царе Иване Грозном.

Сюжеты фольклорных преданий встают в один ряд с устными переложениями библейских текстов о миротворении, о грехопадении человека, о грядущем конце света, образуя единую перспективу национальной и мировой истории.

Предания излагают частный факт, повествуют о событиях местного значения. Короткий прозаический рассказ не способен охватить масштаб целой исторической эпохи. Для решения этой задачи необходимы развернутые эпические формы. Эволюция форм фольклорной памяти от местных преданий до песен, посвященных событиям общенационального значения, получает свое завершение в жанре **былин**. Ядро былевых песен составляют сюжеты о «золотом веке» русской истории, каким он представлялся народному сознанию: единство национальной территории, мудрый правитель, могущественные воины-защитники родной земли. Это *идеальное* время соотнесено сказителями с расцветом Киевской Руси, с княжением Владимира Красна Солнышка. Вокруг князя собран цвет русского богатырства. У каждого из богатырей своя собственная судьба, своя эпическая биография, но все они собираются на пиру у столыного киевского князя, составляют его славную дружину, исполняют его службы-поручения. Однако прежде чем эпические сказания об отдельных богатырях сложатся в единый киевский цикл, их сюжеты проходят долгий путь развития. Следы длительной эволюции жанра былин хорошо заметны в расслоении единого массива богатырства святорусского на несколько образных пластов.

Первый пласт — архаические богатыри. Они живут *до* истории, до конфликтов и бед русского средневековья и *вне* самой земли Русской. Они как бы почва, на которой сложатся образы бога-

тырей киевских. Один из древних богатырей *Вольга-Волх* — кудесник и чудесный охотник, добывающий с помощью оборотничества себе и своей дружине снаряжение и пропитание. С былинным Волхом сопоставляется образ князя-волхва Всеслава Полоцкого в «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве». Былина о Волхе посвящена завоеванию Индийского царства, в котором он со своей дружиной и остается жить. Сюжет этого эпического сказания и облик главного героя совсем не похожи на классические былины о защите земли Русской.

Другой из доисторических богатырей *Святогор* живет на горах, мать-сыра земля не может носить его на себе. Стихийная, неуправляемая сила Святогора не находит реального применения: «Кабы я тяги нашел, так бы я всю землю поднял!» Святогор способен свернуть землю, но не возделывать или защищать ее. Потому и гибнет он, пытаясь осуществить свою похвальбу. А пахарь *Микула Селянинович* легко подымает эту суму с тягой земною, ведь *своя ноша не тянет*: удел землепашца — управляться с тяготами повседневного труда на земле. Характерно, что не только Святогор, но и другой архаический воин Вольга не способен потягаться с Микулой. Вольга не только не может три дня догнать в чистом поле идущего за плугом пахаря, но даже и выдернуть из земли его сошку.

Соответствие масштаба богатырских деяний нуждам родной земли — отличительный признак подлинного героя былин. Показательно, что Илья Муромец, центральный персонаж русского эпоса, отказывается взять *всю* силу умирающего Святогора, и берет лишь часть, соразмерную земному человеческому уделу.

В отличие от древних эпических героев, старшие богатыри родом из русских земель: Илья Муромец, Алеша из *Ростова* Великого, Добрыня *Рязанец*. Первые свои подвиги они совершают по дороге в Киев. Илья привозит ко двору князя Владимира Соловья-разбойника, Добрыня вызволяет из змеиного логова княжескую племянницу Забаву Путятичну, Алеша убивает крылатого Тугарина-змея.

Внешне и характерами богатыри сильно отличаются друг от друга: Илья прям и прост в словах и чувствах; Алеша лукав и остроумен; Добрыня — тонкий дипломат, не случайно его посылает князь получить дани за тридцать лет со степных народов. Но всем эпическим героям присущи и общие черты, выявляющие их богатырскую природу. В разных былинах описание этих богатырских качеств осуществляется одинаковыми стилистическими средствами, отчего и возникают в текстах былин так называемые «общие места».

Прежде всего, былинных героев роднит чудесное получение силы. Одни обретают ее *при рождении*, другие — подобно Илье Муромцу, *исцеленному* каликами перехожими. В облике каждого русского богатыря особо подчеркивается *вежество* — умение себя держать в обществе: «крест кладет по-ученому, поклон отдает по-писаному». За красотой и строгостью повседневного поведения скрывается умение распорядиться своей недюжинной силой. Этим русские богатыри отличаются от любого врага, чья стихийная сила ужасает, но оказывается бесполезной, расходуемой впустую.

Изображение реальных исторических лиц вместо обобщенных образов киевского князя и его богатырей, отражение в сюжете конфликтов конкретной эпохи требуют новой по сравнению с былинами жанровой формы. Время сложения жанра **исторических песен** — период татаро-монгольского ига. Национально-историческое сознание формируется наиболее интенсивно в момент смертельной опасности для русской государственности и культуры. От каждого пласта национальной истории в памяти народной остается несколько ярких сюжетов, за которыми скрываются основные конфликты эпохи. Так, ключевые коллизии эпохи царя Ивана Грозного народное сознание сохранило в четырех сюжетах.

Песня «Взятие Казани» аккумулирует в себе память о всех военных походах, предпринятых царем в целях укрепления границ русского государства. Сюжет о «Гневе Ивана Грозного на сына»

передает народное отношение к опричнине и скорым царским расправам с мнимой изменой. В песне «Ермак в казачьем кругу» отразилось сложение нового социального слоя — казачества. Двусмысленному положению «вольного люда», промышляющего на Дону и Волге грабежом царских караванов, песня противопоставляет государеву службу Ермака и его сподвижников, подчинивших *Белому царю* Сибирь.

На границе лирического и эпического родов фольклора находится жанр народной баллады. Баллада формируется в рамках фольклорного эпоса, по мере того как носителей средневековой культуры начинает интересовать историческая личность в семейном кругу (сюжеты «Князь Роман жену терял», «Князь Михайло»), либо, наоборот, малая личность в потоке большой истории («Авдотья Рязаночка»). В жанровой форме баллады фольклорное сознание впервые обращается к изображению внутреннего мира человека не в обрядовой ситуации, а в повседневной жизни. Из всего многообразия человеческих чувств и переживаний в фокус народной баллады попадают ослепительные, предельные, аномальные эмоции, а также роковые стечения жизненных обстоятельств.

Внимание к индивидуальному чувству, к личному взгляду на мир, противопоставленному стереотипам общественной и семейной жизни, оказывается тем фактором, благодаря которому складывается **необрядовая лирика** как особый род фольклорной словесности. Между содержанием песни и личностью ее исполнителя обнаруживаются тесные и непосредственные связи. У замужней крестьянки свои заботы: ссоры, разлад в семье, нерадивый муж-пьяница. У влюбленной девушки свои радости и горести: подарок от милого, вечернее гулянье или разлука с возлюбленным, суровые родители. В *ямщицкой* песне отразится настроение дальней зимней дороги. Песня бурлацкая выплеснет муку неподъемного труда. В протяжной солдатской песне зазвучат мотивы суровой государевой службы, воспоминания о далеком доме, а на марше, наоборот, зазвонит удачью молодецкою походная песня. В разбойничьих песнях сквозь лихую беспечность нет-нет да и проглянет бездомность и одиночество героя.

Личностное начало не только приводит к оформлению жанрового поля лирики, но и к изменению идейной структуры жанра былины. Особенно заметен этот процесс в сюжетах новгородского былинного цикла. В отличие от создателей киевских былин, новгородских сказителей занимают социально-психологические коллизии, общественные отношения, положение человека в окружающем мире. Четыре сюжета новгородских былин четко разбиваются на пары. Первая пара посвящена конфликту героев с Господином Великим Новгородом.

Гусяра *Садко* не зовут играть на почетный пир, обиженный, он уходит на берег Ильмень-озера. Очарованный его игрой, водяной дает гусяру рыбу-золото перо, способную превращаться в золото. Садко бьется с городом о заклад, что сможет выкупить все товары знаменитого центра древнерусской торговли. Но следом за скупленными новгородскими товарами прибывают товары московские, а за ними товары заморские. Садко смиряется со своим поражением, отдает проигранный заклад. Другой герой *Василий Буслаев* состязается с новгородцами в физической силе. Кулачный бой на мосту длится с утра и до вечера и ничем не заканчивается, кроме смертей, увечий и разрушений. В отличие от Садко, узнавшего предел собственных возможностей, Василий Буслаев сам не хочет остановить бессмысленное побоище. Лишь его мать способна унять буйного молодца.

Похожие конфликты, но на более высоком уровне разворачиваются в другой паре сюжетов. Здесь уже герои спорят не с силой человеческой общины, но со своей судьбой. Садко, оплатив проигранный заклад на многие тысячи, не потерял остального богатства. Он становится в один ряд с богатейшими купцами новгородскими и сам отправляется торговать за море. По обычаям русских мореходов, отправлявшихся на рыбный промысел или для заморской торговли, следовало умиловить море, принести ему дары в счет будущих прибылей. Садко не отдал этой символической дани, и те-

перь морской царь, позволявший Садко богатеть, требует взамен его душу. Герой вновь пытается спорить с миром, стремится уйти от ответственности, уговаривает сотоварищей кинуть жребий, несколько раз меняя условия:

«Ай как эти жребии есть неправильны:
А и как делайте вы жребии дубовыи,
А я сделаю жребий да липовый»
А у всей дружины жеребья гоголем плывут,
А у Садка-купца гостя богатого новгородского да ключом на дно.
— Ай как видно Садку делать топерь нечего,
А и самого Садка требует царь морской да в сине море!»¹²

Проиграв тяжбу и в этот раз, Садко принимает свой удел безропотно, за что и получает помощь от святого покровителя Николы Можайского в своих мытарствах на морском дне. Василий же Буслаев, начав своеволием в Новгороде, оканчивает своеволием и на Святой земле. Поехав со своей дружиной якобы святым местам поклониться, он проявляет неуважение к общепринятым нравственным нормам: купается не одетым в Иордане, где крестился Иисус Христос; пинает мертвую голову; не слушает советов и предостережений. В конце концов герой находит свою смерть, пытаясь перепрыгнуть могильный камень.

Былины о Садко и Василие Буслаеве представляют собой два варианта ответа на новые вопросы, захватившие фольклорное сознание: каково соотношение судьбы и личной воли человека, что значит его слово и дело в окружающем мире. За изображением авантюрно-психологических коллизий возникает нравственное и духовное видение мира.

Духовные стихи представляют нравственные аксиомы христианства в виде ярких сюжетов, обобщающих смысл и значение всех подобных жизненных ситуаций. Стихи на Евангельские сюжеты (о рождестве, проповеди, крестной смерти Христа) задают систему высших ценностей, на которые ориентируется человек в собственной жизни. Образы христианских добродетелей явлены в стихах о великомученике Георгии, блаженном Алексии человеке Божьем, преподобной Марии Египетской. Образы греха в духовных стихах также предельны: они говорят о непрощенных прегрешениях и ожидающих нераскаянных грешников адских муках. Концентрированно народное знание о духовных предметах собрано в «Стихе о Голубиной книге». Под *Голубиной книгой* фольклорная традиция понимает Библию, содержащую *глубокое*, неземное знание, открытое миру Духом Святым, который изображается на иконах в виде *голубя*. Голубиная книга включает в себя память о творении мира (подобно библейской книге Бытия) и предсказания будущих времен (подобно Апокалипсису).

Очевидно, что система жанров средневекового фольклора охватывает все практические, эмоциональные и концептуальные стороны народной жизни. Иерархия жанров средневековой литературы, нисходящая от духовной литературы (Евангелие, проповедь, агиография) через исторический пласт книжности (летописи, воинские повести) до деловой и бытовой письменности¹³, имеет своим соответствием иерархию жанровых форм фольклора, восходящую от повседневных обрядов и верований через идеальный мир былин и сказок до нравственных высот духовных стихов.

¹² Селиванов Ф. М. Русский эпос. М., 1988. С. 185.

¹³ Толстой Н. И. Отношения древнесербского книжного языка к старославянскому (в связи с развитием жанров в древнесербской литературе) // История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 164—173.